

Воспользовавшись царившей в лаборатории неразберихой, А-Эр сумел бежать в одиночку.

Вермут заметила его побег. В её сапфировых глазах блеснула странная искра, но она промолчала. Более того, она даже отвлекла руководителя лаборатории, который едва не наткнулся на беглеца.

Мысленно поблагодарив её, А-Эр бросился прочь, даже не оглядываясь.

На душе у него было пусто и растерянно. Ноги сами несли его на поиски Дзина — они ведь были неразлучны практически с самого рождения. Сама мысль о разлуке заставляла А-Эра дрожать всем телом, точно новорождённый ягнёнок на ветру. Он чувствовал себя бесконечно беспомощным, не зная, куда податься.

Теперь те безмятежные дни в уединённом особняке на затерянном острове казались настоящей утопией. Там не нужно было ни о чём думать, не нужно было решать, как жить дальше.

Весь их мир ограничивался только им самим и Дзином. Брат готовил завтрак и будил его по утрам. После еды А-Эр послушно шёл греться на солнышке, гулял, немного тренировался, а возвращаясь, мыл посуду и прибирался в доме. Потом ему разрешалось посмотреть любимые передачи, но лишь при условии, что он выполнит дневную норму чтения, назначенную Дзином. Так незаметно и проходил день за днём.

Какое же это было тихое, золотое время. Всё изменилось с появлением отца.

Их крошечный островок на двоих раскололся вдребезги. В их жизнь вторглись чужие люди, новые правила и бесконечные перемены, пока в конце концов А-Эра насильно не оторвали от брата, заставив искать собственное пристанище.

Он невольно прошептал:

— И куда мне теперь идти?

В играх с открытым миром всегда раздражала эта излишняя свобода. Из-за вечных сомнений топчешься на месте, боясь совершить роковую ошибку. Насколько проще было бы, если бы разработчики сразу прописали, какие действия повышают характеристики и чью именно симпатию разблокирует тот или иной выбор.

«Какая поразительная лень, — со смесью брезгливости отозвалась Система. — Может, тебе сразу выдать финальные титры с победным счётом?»

«А можно?!»

«Мечтать не вредно».

«Жадина», — обиженно буркнул А-Эр.

К этому моменту они уже выбрались за пределы лабораторного комплекса. То ли этот игровой аккаунт из-за чрезмерной опеки брата действительно вырос совершенно неприспособленным к жизни, то ли сам А-Эр никак не мог решиться на следующий шаг, но в итоге он просто плюнул и включил режим автопилота. Сам же устроился поудобнее, наблюдая за происходящим со стороны, словно сторонний зритель, и лениво препирался с Системой.

Когда А-Эр наконец опомнился, этот кусок искусственного идиотизма на автоуправлении ухитрился угодить в лапы работоторговцев.

А-Эр знатно опешил.

Он совсем позабыл, что у его персонажа параметр привлекательности был выкручен на максимум!

Очаровательный ребёнок, бродящий в одиночку по самым глухим закоулкам, — идеальная мишень для похитителей. Было бы странно, если бы его не украли.

К счастью, после жестоких лабораторных опытов показатели выносливости и силы у этого некогда хрупкого тела взлетели до небес. И пускай на старте физическая форма была никудышной, столь стремительный прогресс выглядел очень по-геймерски. Мысленно порадовавшись, что перенесённые мучения окупались железным здоровьем, А-Эр уже приготовился силой пробивать себе путь на свободу из этого притона.

Но не успел он и пальцем пошевелить, как запертую дверь с грохотом вышибли. Сердце А-Эра пропустило удар — ему на мгновение показалось, что это Дзин явился по его душу. Однако, присмотревшись, он испытал лишь разочарование: на пороге стояли незнакомые люди в полицейской форме.

Вскоре всех похищенных детей передали перепуганным родителям. Лишь за А-Эром никто не пришёл. Когда к нему подошёл тот самый офицер, руководивший штурмом, мальчик узнал, что мужчину зовут Господин Арааки. Оказалось, именно он со своим отрядом выследил и накрыл эту банду торговцев людьми. По всему выходило, что человек он незаурядный и достойный уважения.

Когда полицейский мягко спросил А-Эра, помнит ли тот свою семью или адрес дома, мальчик лишь беззвучно приоткрыл рот. Годы, проведённые взаперти в качестве подопытного кролика, лишили его элементарной привычки общаться с людьми. Из горла не вылетело ни звука.

Он даже не успел понять, почему взгляды окружающих наполнились щемящей жалостью, как

на полупрозрачной игровой панели беззвучно соткалась новая карта:

****[Получена карта состояния: PTSD]****

****[Пассивный эффект: полная утрата прежних воспоминаний]****

А-Эр, не успевший вовремя оценить извращённое чувство юмора здешней игровой механики, в ту же секунду лишился памяти обо всём, что с ним происходило, включая воспоминания о Дзине Куросаве. Его взгляд сделался абсолютно пустым и безжизненным. Он тупо уставился на Господина Арааки, который в растерянности не знал, как подступиться к несчастному ребёнку.

"Кто я? Где я нахожусь? Куда мне идти?"

Его захлестнула невыносимая пустота, острая, как физическая боль, и давящее одиночество.

"Неужели забыть прошлое — это так больно?"

В глубине угасающего сознания теплился единственный смутный образ: кто-то с поразительными зелёными глазами, кто всегда был рядом.

Зелёные глаза... Только зелёные глаза...

Но как бы он ни вглядывался в лица окружающих, этого взгляда нигде не было. Шли дни. Поскольку настоящих родителей мальчика найти так и не удалось, его определили в приют, но и там поиски не принесли плодов.

В приюте другие дети так и липли к нему, привлечённые его ангельской внешностью и какой-то неуловимой, завораживающей аурой. Но А-Эру не было дела до этих безликих NPC. Он часами сидел один в самом глухом углу, погрузившись в протрацию и лениво огрызаясь на подколлки Системы.

Офицер Арааки, спасший его из притона, упорно продолжал навещать его по непонятным причинам. Спустя время он пришёл вместе с женой. Присев перед мальчиком, супруги ласково спросили, не согласится ли он войти в их семью и стать им сыном.

«Не интересно», — уже хотел было мысленно отрезать А-Эр, но тут его взгляд упал на маленькую девочку, стоявшую позади супругов.

У неё были зелёные глаза. Мальчик замер, не в силах отвести взор.

"Вот же они. Нашлись те самые зелёные глаза, что всегда были со мной..."

Терпение лопнуло. Дзин Куросава больше не мог этого выносить.

Пока они жили в особняке, Дзин даже не догадывался, какой опасный, магнетический дар скрыт в его младшем брате.

Это притяжение не имело ничего общего с банальной внешней красотой, обаянием или характером. Оно гнездились куда глубже, действуя на подсознательном уровне и подчиняя себе волю окружающих.

Доступа к секретным научным отчётам Дзину, разумеется, никто не давал. Само право изредка навещать брата в боксе считалось величайшей милостью. И всё же, задействовав скрытые каналы и мелкий шантаж, он сумел раздобыть копию истории болезни А-Эра.

Из документов следовало, что мальчик с рождения обладал аномальным свойством приковывать к себе чужое внимание. Этот эффект действовал на всех по-разному. Обывателям он просто казался необычайно харизматичным ребёнком, на которого приятно посмотреть. Но для людей с гнилой, порочной душой он превращался в сияющий маяк посреди непроглядной тьмы, пробуждая самые низменные инстинкты. Невосприимчивыми оставались лишь те, чья воля была высечена из гранита, да безумцы, окончательно лишившиеся рассудка.

Учёные, ставившие эксперименты на живом ребёнке, бесспорно, были чудовищами, но рассудок их оставался холодным и расчётливым — в отличие от их отца, окончательно свихнувшегося от горя. А потому они неизбежно попадали под пагубное очарование А-Эра.

И пускай Дзин уже лично прикончил прежнего главу лаборатории, который, ослеплённый похотью и жадой обладания, всерьёз вознамерился сжечь мальчика со свету, он прекрасно понимал: полумерами дело не решить.

На место одного ублюдка придёт другой, а затем третий. Дзин не мог дежурить у палаты брата круглыми сутками, а значит, в его отсутствие с А-Эром могло случиться всё что угодно.

Единственный выход — вырвать брата из лап этих мясников и забрать к себе.

А для этого требовалось заслужить кодовое имя в Организации и выпросить у Того Господина «особую награду».

"Но как продвинуться по службе в кратчайшие сроки?"

— Если убьёшь кого-то из обладателей кодовых имён, это станет лучшим доказательством твоей полезности, — как бы невзначай обронил отец, пришедший провести с ним очередную изнурительную тренировку.

Любой другой рядовой боец от подобного предложения схватился бы за голову, но Дзин лишь нахмурился:

— И Тот Господин не сочтёт это за прямой вызов?

— Не сочтёт. Этот человек... — Сиро Куросава запнулся, словно взвешивая каждое слово, и глухо закончил: — Он не станет мешать исполнению моей воли.

В его тоне сквозила странная, пугающая близость к загадочному лидеру синдиката, стоявшему на самой вершине криминального мира. Когда Дзин однажды спросил об их отношениях, отец ответил так же, как сейчас — словно выплевывая горькие крошки воспоминаний:

— Мы не виделись целую вечность. Общаемся исключительно по почте.

— Ни один из нас не горит желанием смотреть в лицо другому. Слишком больно видеть, во что превратилось некогда близкое существо. Каждая встреча лишь бередит раны, напоминая о временах, когда мы были глупы и счастливы, и о той, кто ушла навсегда...

Тогда ещё совсем юный Дзин мало что понял из этого сбивчивого монолога, но крепко запомнил редкие минуты откровения со стороны сурового родителя.

И вот теперь все кусочки мозаики наконец сошлись в единую картину.

Отец прямым текстом подстрекал Дзина совершить отцеубийство.

Этот человек давно захлебнулся в собственном безумии и отчаянии. Единственным его желанием была смерть.

Дзин наконец-то заглянул под маску идеального, неуязвимого киллера. Внутри грозного Сиро Куросавы прятался лишь измученный ребёнок, умоляющий прекратить его страдания.

Многолетние безжалостные тренировки, уязвимости, которые отец будто нарочно подставлял под удар во время спаррингов — всё это обрело страшный смысл.

В этих уроках не было ни капли родительской заботы. То был хладнокровный инструктаж приговорённого, который готовил себе умелого, твёрдой рукой палача, способного даровать ему быструю кончину без лишних мук.

— И это — всё, чего ты хочешь?

Дзин почувствовал, как к горлу подкатывает волна недоумения, граничащего с глухим презрением.

Отец проигнорировал его тон и ответил с ледяным спокойствием:

— Даже опустившись на самое дно, я не позволю пристрелить себя какой-то безродной швали. Вешать этот грех на старых друзей я тоже не намерен. Так что ты, плоть от моей плоти, — идеальный кандидат.

Подобные рассуждения могли зародиться лишь в голове законченного психопата.

И всё же Дзин признал эту логику.

Если судьба когда-нибудь припрёт его к стене, он тоже предпочтёт принять смерть от руки близкого человека.

Бой начался без лишних предисловий. Жажда смерти не помешала Сиро драться в полную силу, не щадя сына. Дзин тоже выкладывался без остатка. Он понимал: если сфилонит хоть на долю секунды, отец прикончит его на месте, похоронив все его планы и надежды вернуть брата.

Ему нужно было перешагнуть через труп родителя, чтобы стать сильнее и наконец забрать то, что принадлежало ему по праву.

Когда всё закончилось, Сиро Куросава лежал на залитом кровью полу. Багровая жижа заливала ему лицо, лишая возможности видеть сына. Угасающим голосом он прохрипел:

— Теперь... ты вытащишь его оттуда?

— Не задавай глупых вопросов.

— Ха-ха... — из горла отца вырвался сухой, дребезжащий смех, похожий на скрежет ржавых шестерней. Так хрипит изношенный механизм перед тем, как окончательно заклинить и разлететься на куски.

— В твоих жилах течёт моя кровь... Ты костями ляжешь, но привяжешь его к себе.

— Дзин... Хотя нет, теперь ты Джин. Согласно той проклятой памяти, тебе суждено занять это место.

— Если когда-нибудь... ты встретишь того, кто не посмотрит на меня как на чужака... передай ему... Я так хотел увидеться.

— Хорошо. Я передам.

Дзин понятия не имел, о ком говорил умирающий, но всё равно пообещал. Рано или поздно он во всём разберётся.

Мутный, гаснущий взгляд тёмно-зелёных глаз отца, так похожих на его собственные, окончательно остекленел. Губы Сиро тронула едва заметная улыбка:

— Надеюсь, ты получишь желаемое.

Это напутствие прозвучало как проклятие.

Джин тяжело, хрипло дышал. Каждое движение давалось с нечеловеческим трудом — смертельная схватка высосала из него все соки. Он изо всех сил цеплялся за ускользающее сознание, боясь сомкнуть веки хотя бы на миг. Закроешь глаза — и больше не проснёшься, превратившись в остывающий труп.

Ему нельзя сдаваться. Только не сейчас.

В сознании вспыхнуло бледное, почти прозрачное лицо младшего брата, лежащего на казённой госпитальной койке, и его тихий, тающий в воздухе шёпот:

"Брат..."

Джин лежал в луже крови. Чужая багровая жидкость смешивалась с его собственной, пропитывая одежду и кожу.

С этого мгновения бремя отцовских грехов и обязательств целиком легло на его плечи.

Он не имел права бросить А-Эра.

Колыхаясь из стороны в сторону, Джин пошёл к выходу. За ним тянулся густой красный след, словно сам пол ожил и жадно впитывал тепло его тела.

На пороге сознание окончательно покинуло его, и он рухнул ничком.

Подоспевшие санитары Организации экстренно госпитализировали раненого бойца.

Он очнулся лишь спустя двое суток. На его имя уже пришло подтверждение кодового имени — Джин. Прочитав письмо от Того Господина, юноша отправил короткий ответный запрос:

«Вы не разгневаны моим поступком?»

Он не надеялся на снисхождение, однако минут через десять на экран пришло новое сообщение.

«Я давно знал, что этот день настанет».

Джин долго всматривался в эти несколько слов, не в силах до конца осознать их смысл.

Едва встав на ноги, он первым делом бросился к научному блоку, намереваясь наконец забрать брата домой.

Но стоило ему заявить о своих правах, как новый руководитель лаборатории побледнел до синевы и мелко затрясся, словно перед ним разверзлась бездна:

— М-мне... мне очень жаль. Испытуемый Номер 2222 бесследно исчез.

В ту же секунду предсмертное напутствие отца ледяной змеей обвилось вокруг его шеи, являя свою истинную, проклятую суть.

Капли свежей крови мерно падали на бетонный пол.

Двадцать лет спустя воспоминания былой юности стояли перед глазами Джина так же отчётливо, как этот серебристо-белый силуэт напротив.

Дзин Куросава — Джин — тихо, почти ласково улыбнулся.

— Я так хотел тебя увидеть, Икарос.

В его глазах отразился холодный блеск стали.

— На этот раз ты останешься со мной навсегда. Даже если ради этого мне придётся превратить тебя в груды костей.

<http://bllate.org/book/18335/1760535>